

Владислав ГРОСУЛ

БУХАРЕСТСКИЙ МИР 1812 г. И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ*

Очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1806 г., объяснялась не только обострением российско-турецких противоречий, но и напряженными отношениями России с Францией. Наполеон проявил интерес к Османской империи еще во время неудачной для него лично и для французской армии Египетской экспедиции 1798-1801 гг. Несмотря на эту неудачу политическая активность Франции в пределах Османской империи продолжала усиливаться, что вызвало определенное беспокойство в России. В инструкции новому российскому послу в Стамбуле А.Я. Италинскому от 30 августа 1802 г. прямо предписывалось следить за поведением французской миссии в Турции и разрушать ее происки¹. Вскоре тревога российской дипломатии еще более усилилась, поскольку в Петербург в ноябре 1802 г. из разных источников стали поступать тревожные известия о подготовке французских войск к высадке на Адриатическое побережье с целью занятия ряда пунктов, расположенных на границах Османской империи. Одновременно поступили сведения о связях французов с мятежными турецкими пашами Пазванд-оглу и Али – пашой Янинским², а затем о проникновении французских эмиссаров в Белград и Видин и о контактах черногорского митрополита Петра I Негоша с французами. Об активизации французских эмиссаров на Нижнем Дунае сообщал и российский консул в Яссах А.А. Жерве в январе 1803 г.³.

В то время, то есть в самом начале правления Александра I, не было никаких данных о том, что руководство России стремилось к каким-либо территориальным приращениям на своих западных границах. Известный историк С.М. Соловьев в своей работе «Восточный вопрос 50 лет назад», написанной еще в 1876 г., приводил слова одного из приближенных к императору российских государственных деятелей - графа В.П. Кочубея, сказанные в 1802 г. по по-

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

воду усиления французского влияния в Турции и необходимости выработки Россией необходимой линии поведения. Он подчеркивал: «Поведение ее (*то есть России*. – В.Г.) не может быть иное, как или приступить к поделу Турции с Францией и Австриею, или стараться отвратить столь вредное положение вещей. Сомнения нет, чтоб последнее не было предпочтительнее, ибо независимо, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики»⁴.

То, что мнение В.П. Кочубея в то время поддерживалось самим императором Александром I, не подлежит никакому сомнению. Оно подтверждается таким ценным источником, как журнал заседаний Негласного комитета молодых друзей императора, на котором решались основные вопросы внутренней и внешней политики России начала XIX в. На одном из таких заседаний, состоявшемся в августе 1801 г., тот же Кочубей зачитал свою записку о взаимоотношениях с иностранными державами, в которой предусматривалась мирная внешняя политика. Эта записка была поддержана самим императором. Среди прочего в ней писалось: «Турки и шведы были нашими природными неприятелями, но по своей слабости не могли нам быть опасны, и потому надлежало, оставляя их в нынешнем положении, наблюдать только, чтобы в случае раздела Турции Молдавия и Валахия не достались Австрии, а составили отдельное государство»⁵.

Через пять месяцев, 22 января, на заседании вновь была обсуждалась очередная записка Кочубея по вопросам внешней политики, и опять в этом отношении «предлагал он оставаться в бездействии». Правда, далее следовала оговорка: «Но если бы Франция или Австрия задумали усилиться на счет Турции, то и нам не следовало бы оставаться сложа руки, и мы могли бы сделать приобретения, которые поставили бы нас в выгодное положение (*dans une attitude respectable*)»⁶.

В начале века Турция действительно не представляла для России сколь-нибудь значительной угрозы. Но она представляла угрозу для своих собственных провинций, покоренных ею в свое время. Как раз в 1802 г. совершает дикий набег на Валахию видинский мятежный паша Пазванд-оглу. Этот набег столь сильно напугал жителей княжества, что они, по словам российского генерального консула В.Ф. Малиновского, обратились к нему в июне 1802 г. с просьбой «или предаться в подданство России, или под непосредственную ее защиту управлять самим своею землею на прежних ее правах...»⁷.

Именно в этих условиях Александр I предписал российскому послу в Стамбуле В.С. Тамаре довести до сведения султана, что по его желанию русские войска могли бы быть посланы за Дунай и изгнать из Валахии войска видинского паши⁸.

Только под давлением русских властей и, в частности, личного послания Александра I турецкому султану Селиму III 15 августа 1802 г. Порта приняла решение о выводе турецких войск из Валахии. В результате в Валахию господарем был назначен К. Ипси-ланти, а в Молдавию – А. Морузи. Таким образом, именно личное вмешательство российского императора позволило улучшить ситуацию в Валахии, да и в Молдавии тоже, поскольку набег Пазванд-оглу породил опасения и в этом княжестве⁹, повлиявшие, например, на перемещение населения за его пределы, в частности, в Россию. В русско-турецких отношениях на стыке веков прослеживаются две основные линии. Одна из них - сотрудничество двух государств, и она заметна по русско-турецкому союзу 1799 г., соглашению о статусе Молдавии и Валахии 1802 г., договору 1805 г.¹⁰ Другая - отражение все усиливавшихся противоречий, во многом в связи с тем, что Порта пыталась наладить отношения с наполеоновской Францией.

Турецко-французские отношения того времени не были четкими и определенными. С одной стороны, Порта опасалась Наполеона, памятуя и его египетскую экспедицию, и заигрывание с представителями покоренных османами провинций. С другой - понимая все возрастающую силу наполеоновской Франции и желая оградить себя от ее ударов, турецкие верхи пытались найти общий язык с представителями французской дипломатии и руководящими кругами Франции вообще.

Но в целом ситуация продолжала обостряться. Пресбургский мир, заключенный Францией и Австрией в декабре 1805 г. и приведший к распаду Третьей антинаполеоновской коалиции, среди прочего способствовал захвату Наполеоном Истрии и Далмации, то есть укреплению наполеоновской Франции на Западных Балканах. Было ясно, что этим Наполеон не ограничится и будет добиваться дальнейшего проникновения в другие регионы Юго-Восточной Европы. Вскоре эти опасения России подтвердились. Еще в 1804 г. Наполеон заявил о необходимости сближения с Турцией, которая на это предложение ответила согласием¹¹. Турецкий султан Селим III признал Наполеона императором, более того, поприветствовал в его лице «самого давнего, самого верного и необходимого союзника» Турции¹². И это при том, что, как отмечалось, существовал союзный договор России с Турцией от 1799 г., который сама

Порта предложила в 1804 г. возобновить, чтобы гарантировать сохранение существующих границ. Далее члены Дивана, ориентировавшиеся на Россию, были заменены сторонниками Франции¹³. А затем прибывший в августе 1806 г. в Стамбул французский генерал Г.Ф.-Б. Себастиани в соответствии с полученными предписаниями, составленными в июне 1806 г., повел политику, направленную на обострение русско-турецких отношений и создание союза Франции, Турции и Персии, прямо направленного против России¹⁴. С помощью Себастиани в турецкую армию были отправлены французские офицеры-инструктора¹⁵.

Эта политика дала свои плоды, и вскоре Селим III сменил пророссийских господарей. В августе 1806 г. в Молдавии Александр Морузи, а в Валахии - Константин Ипсиланти лишаются престолов. Вместо первого был назначен Скарлат Каллимахи, а взамен второго – Александр Суцу, известные своими профранцузскими симпатиями¹⁶. Впрочем, они владели престолами лишь до октября 1806 г. Протесты России не были приняты во внимание. Турция стала готовиться к введению своих войск в Молдавию и Валахию. Ожидалась деятельность турецких эмиссаров на Кавказе. Был затруднен проход русских судов через проливы. Стремясь не допустить Турцию к захвату выгодных для нее стратегических позиций, Александр I приказал 16 (28) октября 1806 г. занять Молдавию и Валахию. Новая русско-турецкая война по существу началась без официального объявления – вводом русских войск на территорию Дунайских княжеств, а также в райи Пруто-Днестровского междуречья и земли буджакских ногайцев¹⁷.

Уже к началу 1807 г. на левом берегу Дуная в руках турок осталось лишь три крепости – Измаильская, Джурджевская и Браиловская. И при всем этом русское командование всячески стремилось показать, что его войска прибыли сюда не для завоеваний. Такая линия поведения была намечена еще до войны и была вполне обоснована¹⁸. Один из видных русских дипломатов К.К. Родофиникин, который впоследствии возглавил Азиатский департамент российского МИДа, посетивший накануне войны княжества, писал командующему русской армией И.И. Михельсону: «... должно стараться повсюду доказать, что не для завоевания, но для отклонения Порты от пагубного союза с Францией и дабы принудить ее к выполнению существующих постановлений, вступили российские войска..., всякое завоевание с здешней стороны, доколе дела с Францией не примут желаемого оборота, кажется, по слабым моим понятиям, вредным..., а впоследствии мог бы без дальнейшего труда принять те законы, кои Его Величеству угодны будут»¹⁹.

Михельсон в воззвании к населению придунайских районов обещал возвратить русские войска в пределы России после того, как султан уволит тех своих министров, которые ориентировались на Францию, позволит свободный пропуск русских торговых и военных судов через Дарданеллы, пойдет на союз с Россией и Англией и примет энергичные меры для изгнания французов из Далмации и пр.²⁰ Однако султан не только не принял эти условия, но объявил 18 (30) декабря войну России.

Встреча русских войск в княжествах была доброжелательной и в некоторых местах даже восторженной, например в столице Молдавии Яссах²¹, Килии, где греки и молдаване встречали русских с крестами, хоругвями, хлебом и солью²², и во многих других местах.²³ Это было отражением традиционных симпатий местного населения к России, надежд на избавление от турецкого господства, фанариотского режима, от турецко-татарских набегов, в начале XIX в. бывших вопросом дня. Это также было радостью по случаю того, что на территории княжеств по существу удалось избежать военных действий, и желанием наладить добрые отношения с русскими войсками на будущее. Жители княжеств приняли активное участие в снабжении русской армии продовольствием и фуражом, и более 20 тыс. выходцев из Молдавии и Валахии участвовали в боевых действиях русской армии в качестве добровольцев²⁴. Что касается боярства, то оно, как и прежде, было разделено на различные группировки. Некоторые из них ориентировались на Турцию, Австрию, Францию и были враждебны России. П.И. Багратион впоследствии усматривал значительное отличие между боярами молдавскими и валашскими: «первые всею душою преданы России, усердны и с крайнею попечительностию стараются, по мере сил, способов, возможности, исполнить все требования правительства для армии»²⁵. В то же время Багратион отмечает недоброжелательность валашских бояр, их преданность туркам и ненависть к русским. Одного из наиболее влиятельных валашских бояр - Филиппеску, которого поддерживал русский генерал М.И. Милорадович, не зная о его связях с турками, пришлось выселить из Валахии в Россию.

Вскоре после занятия Бухареста жители города приняли присягу Александру I, что, видимо, было сделано без ведома русского правительства. За это командующему войсками Михельсону было выражено неудовольствие со стороны нового министра иностранных дел России А.Я. Будберга, писавшего, что «княжества сии заняли мы временно, не в том намерении, чтоб присоединить оные к России, и не с тем, чтоб отторгнуть их от Порты, но чтоб восстановить их права

и доселе существовавший порядок, признавая их, как и прежде, в подданстве Порты...»²⁶.

Жители Бухареста были приведены к присяге Александру I господарем К.А. Ипсиланти (он вновь стал господарем в декабре 1806 г.), занимавшим прорусскую позицию и еще накануне войны предлагавшим объединить оба княжества под его руководством в то время, когда в них вступят русские войска²⁷. Как это ни встревожило русское Министерство иностранных дел, присяга была принята, и факт остается фактом. Так же, как и направленный молдавским митрополитом Вениамином Костаки 27 июня 1807 г. адрес «от имени бояр и народа» Александру I, где писалось: «Присоедини, государь, правление земли сей с богохранимою державою твоею... Да будет одно стадо и один пастырь»²⁸.

Несмотря на неоднократные заверения русского правительства и русского командования о том, что Россия не собирается присоединять к себе княжества, как среди населения Молдавии и Валахии, так и среди отдельных русских чиновников проявились настроения в пользу этого акта. Они отмечены и среди болгар, обитавших в Южной Бессарабии и заявивших Михельсону, «что ежели Молдавия за ними (*то есть за Россией*. – В.Г.) не останется», то они «готовы переселиться в Россию на вечное подданство»²⁹.

По существу эти же настроения разделял С.Л. Лашкарев, ставший в марте 1807 г. председателем Диванов Молдавии и Валахии³⁰. Говоря о желании молдавских и валашских бояр присоединиться к России³¹, Лашкарев доносил Александру I: «Если обстоятельства воспрепятствуют освободить эти два княжества от турецкого ига и всевышнему не угодно будет подвести их под благодетельный скипетр в.и. величества, то, по крайней мере, дерзаю предложить об избавлении сих бедных людей от вышесказанных господарей и назначить других»³². И далее Лашкарев добавлял, что если Молдавию и Валахию не удастся присоединить к России, то при мирных переговорах сравнительно легко можно будет включить в состав империи крепость Хотин и прилегающие к ней земли, то есть Хотинскую райю³³.

За время войны представители княжеств неоднократно обращались к русским властям с просьбой о включении Молдавии и Валахии в состав России. Эти обращения посылались Александру I, командующим русской армии в княжествах, часто сменявшим друг друга, различным русским генералам и чиновникам. В одном из писем молдавских бояр, направленных на имя генерала С.С. Апраксина и затем переданных Александром I новому министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву, отмечалось «всеобщее желание обоих

княжеств о присоединении их к России. Бояре представляют, что ежели княжества останутся на прежнем основании, то всегда разоряемы будут, с одной стороны, окружающими их турецкими начальниками, с другой же – государями, которые княжествами управлять будут и которые, будучи в оных чужды, не о их благе, а о своем обогащении пецись станут и о том, чтоб поддержать себя в Диване»³⁴.

Сравнительная малочисленность русской армии в княжествах, связанная с тем, что основные силы пришлось бросить против Наполеона, а затем держать их на центральном участке западной границы, военные действия с Ираном и Швецией не позволяли добиться решительных успехов в боях за Дунаем³⁵. Во время войны главная задача местной администрации заключалась в снабжении русской армии и сражавшихся на ее стороне добровольцев продовольствием, фуражом и прочими материальными средствами³⁶. Администрация во главе с русскими чиновниками (Лашкарева сменил бригадир Шакалов, затем С.С. Кушников и В.И. Красно-Милашевич) должна была также регулировать отношения молдавско-валашского населения с армией, пресекать, с одной стороны, саботаж антирусских группировок бояр и, с другой, - не допускать злоупотреблений со стороны армейских частей.

Турецкие райи в междуречье Прута и Днестра, а также земли буджакских ногайцев были переданы под управление молдавского Дивана. 8 мая 1807 г. А. Будберг довел до сведения И. Михельсона, что император Александр I одобрил представление последнего «относительно рай Бендерской, Аккерманской и Килийской: его величество соизволяет, чтобы оные, также как и Хотинская, были в управлении Молдавского Дивана, а равным образом и вся часть Бессарабии, которая войсками нашими занимается...»³⁷. Молдавский Диван отдавал эти территории на откуп, но средства, получаемые от откупщиков и поступавшие поначалу в вистерию (казну княжества), затем передавались на нужды находившихся здесь российских войск. Этот откуп составлял в 1807 г. 40 000 леев, в 1808-м – 145 000, в 1809-м – 240 000, в 1810-м – 286 000 и в 1811 г. - 310 000 леев³⁸.

В 1807 г. почти все буджакские ногайцы покинули Пруто-Днестровское междуречье. Часть из них, как и весь гарнизон Измаила, до 1809 г. находилась в районе этой крепости или, точнее, за крепостными стенами, но вскоре и они покинули Буджак. К концу войны в междуречье практически не осталось мусульманского населения³⁹. Это было не первым выселением ногайцев из Буджака,

но на сей раз оно ускорилося попыткой организации их восстания против России⁴⁰.

Важнейшим вопросом войны постепенно становился вопрос о своевременном и почетном ее окончании. Составной частью его являлись территориальные проблемы, вырисовывавшиеся все более рельефно. Первоначально, как уже отмечалось, российское правительство открыто не ставило перед собой цели присоединения каких-либо новых территорий на юго-западе, хотя имелись довольно значительные силы, настаивавшие на этом. В конце 1806 г. русское правительство всячески старалось успокоить общественное мнение и, прежде всего, - европейские и турецкое правительства, опасавшиеся укрепления России на Балканах. В инструкции, которую А.Я. Будберг дал К.О. Поццо ди Борго, находившемуся на русской дипломатической службе, предписывалось заявить венскому двору, что у императора Александра I «нет ни малейшего намерения завоевывать что бы то ни было у Турции, а военная оккупация Молдавии и Валахии имеет единственной целью принудить Порту восстановить отношения, ранее существовавшие между нею и Россией в силу договоров...»⁴¹.

Тот же Будберг писал великому визирю Турции Ибрагиму Хильми-паше 26 февраля (10 марта) 1807 г., что Александр I «глубоко убежден, что Россия прямо заинтересована в целостности и независимости Оттоманской империи»⁴². О том, что Россия стремится не к территориальным приобретениям, а к дружбе с Портой, И. Михельсон писал рушукскому паше Мустафе Байрактару 26 апреля 1807 г., а К. Родофиникин еще раньше - 9 апреля того же года⁴³. В это же самое время А.Будберг доводил до сведения Михельсона результаты прохода английского флота в Стамбул, повлиявшие на предложение Портой мирных переговоров. Обрадованный таким исходом продвижения английский посол предложил до заключения общего мира занять Дарданеллы англичанами, а Молдавию и Валахию - русскими войсками. Александр I не принял и такой план, предпочитая восстановление союзного трактата с Портой⁴⁴. Это вполне естественно, ибо русскому правительству отнюдь не импонировала перспектива укрепления англичан в районе проливов.

Тильзитский мир, заключенный между Россией и Францией 25 июня 1807 г., предусматривал и урегулирование русско-турецких отношений. Его 22-я и 23-я статьи предписывали вывод русских войск из княжеств, но таким образом, чтобы турки не могли в них вступить до подтверждения мира. Обе статьи предусматривали посредничество Франции для заключения мира. В них говорилось: «Франция обязывается действовать заодно с Россией против Оттоманской

Порты, и обе договаривающиеся стороны условятся, чтобы изъять из-под турецкого ига и притеснения все провинции европейской Турции за исключением Румелии и Константинополя»⁴⁵. Эта секретная часть договора по существу означала план раздела Османской империи между Россией и Францией и наложила свой сильнейший отпечаток на последующие отношения России с Турцией в период войны и перемирий 1807–1812 гг.

Уже 28 июня 1807 г. Александр I предписывал Михельсону сообщить турецкому правительству о том, что вывод русских войск из Молдавии и Валахии будет осуществлен лишь при посредничестве Франции в русско-турецких переговорах и в том случае, если турки выведут на время этих переговоров свои войска из Валахии и не займут Молдавию. Турки должны были назначить уполномоченных для окончательного заключения мира, который Михельсон должен был подписать с великим визирем на указанных условиях⁴⁶. Мир, однако, подписан не был. 12 августа 1807 г. подписывается лишь Слободзейское перемирие, третья статья которого предусматривала вывод русских и турецких войск из Валахии и Молдавии в течение 35 дней⁴⁷.

Условия перемирия были неодобрительно встречены Александром I. Он был против статей о возвращении захваченных во время войны турецких кораблей и о прекращении перемирия не ранее весны следующего, 1808 г.⁴⁸, которые он считал выгодными для Порты. Вместе с тем турки, нарушая договор, стали занимать оставленные русскими войсками места, вводить там свое управление, сопровождаящееся грабежами и убийствами⁴⁹. В связи с этим, хотя перемирие было ратифицировано сменившим Михельсона Мейендорфом, уже в сентябре новому русскому главнокомандующему А.А. Прозоровскому дается рекомендация «под всеми предложениями медлить с выводом русских войск из Валахии и Молдавии»⁵⁰.

В русских правительственных кругах сложилось довольно четкое представление о том, что отвод русских войск за Днестр даст преимущества лишь одной Турции, поскольку при возобновлении военных действий она оказалась бы в более выгодном стратегическом положении, чем Россия⁵¹. Слободзейское перемирие, будучи порождением Тильзита, явно не устраивало Россию, где широкие слои общества прямо выражали свое недовольство Тильзитским миром, в том числе условием об очищении Молдавии и Валахии. Слободзейское перемирие Прозоровский называл постыдным⁵² и делал все возможное, чтобы оно выполнено не было. 3 ноября Александр I информирует Наполеона о прекращении по его приказу эвакуации русских войск из Молдавии и Валахии ввиду того, что перемирие

его не устраивает, а турецкая сторона не намерена вносить в него приемлемые для России изменения⁵³.

После Тильзита стало совершенно ясно, что судьба Молдавии и Валахии будет решаться не на переговорах между Россией и Турцией, а в процессе дипломатических отношений России и Франции⁵⁴. Осенью 1807 г. император Александр I заявил о своих претензиях на Молдавию и Валахию. Первоначально, в середине сентября 1807 г., Александр I, давая инструкцию своему послу в Париже П.А. Толстому о линии поведения в отношении турецких дел, предписывал ему на случай, если не удастся добиться от Наполеона больших уступок, требовать, по крайней мере, перехода к России одной Бессарабии с крепостями⁵⁵. Таким образом, в начале осени 1807 г. стремление к перенесению русской границы за Днестр выражал не какой-либо представитель России, не обладавший всей полнотой власти, будь то министр иностранных дел Чарторыский или главнокомандующий Молдавской армией Михельсон, а сам русский император, считавший Бессарабию лишь минимумом своих желаний. В действительности в период после Тильзита в его планы входило включение в состав России также и Валахии и Молдавии⁵⁶. 9 октября 1807 г. представитель Наполеона в Петербурге генерал Савари доносил своему императору, что Румянцев доказывал ему желательность присоединения к России Молдавии и Валахии и ссыался при этом на благоприятную международную обстановку и необходимость оправдания Тильзитского мира «перед нацией»⁵⁷, то есть перед русскими господствующими слоями. В подобном же духе должен был действовать и русский посол в Париже П.А. Толстой, которому 26 сентября были направлены соответствующие инструкции. 18 ноября Александр I официально потребовал у Наполеона сохранения за Россией княжеств⁵⁸.

В течение нескольких последующих лет между французскими и русскими представителями шел настоящий торг, в процессе которого должна была решиться судьба Молдавии и Валахии, а также ряда других европейских земель. 26 октября 1807 г. Толстой доносил Румянцеву о беседе с Наполеоном, выступившим против расчленения Турецкой империи, но заявившим, что он не против присоединения к России Молдавии и Валахии и даже Константинополя, но сам бы хотел получить вознаграждение не в Албании и Морее, а в Пруссии. При этом Наполеон предложил также не что иное, как совместный поход русских, французских и персидских войск в Индию⁵⁹. В свою очередь Савари 6 декабря 1807 г. сообщает Наполеону о беседе с Александром I, напомнившим о том, что в Тильзите не говорилось о вознаграждении Франции за счет Пруссии как компенсации за при-

обретение Россией княжеств, а разговор велся о видах Наполеона на Албанию, Морею, Кандию и Ионические острова. По словам Александра I, именно Наполеон первым затронул в Тильзите вопрос о Молдавии и Валахии, заметив, что «после длительной войны нужно предстать перед свои народом в выгодном свете, так, чтобы это заставило забыть принесенные жертвы». Александр категорически выступил против расчленения Пруссии, заявив, что на этих условиях он не согласится даже на все турецкие владения⁶⁰.

Впоследствии еще в течение нескольких месяцев Наполеон увязывал решение молдавско-валахских дел с уступками России в Пруссии⁶¹, затем он предъявил претензии на Дарданеллы, на что Россия также не могла согласиться⁶². Далее Наполеон выдвинул требования территориального удовлетворения Австрии, и начался торг в новом направлении⁶³. Каждый раз появлялись новые комбинации, и посол России Толстой посылал донесения - одно тревожнее другого. Еще 2 января 1808 г. в донесении Н.П. Румянцеву он пишет о невозможности договориться с французами, о нежелании их покинуть стратегически важные позиции в Пруссии, где французская армия содержалась за счет местного населения, и поскольку все это увязывалось с придунайскими делами, предлагал только ограничиться согласием Наполеона на присоединение к России Менгрии и Бессарабии⁶⁴. Ограничиться Бессарабией, о которой шла речь в Тильзите, Толстой предлагает и в следующем донесении Румянцеву, посланном 3 января 1808 г.⁶⁵ Но иной уже была точка зрения императора Александра I, вроде бы забывшего свои планы, которые он развивал в 1806 г.; теперь он категорически настаивал на проведении новой границы по Дунаю. Толстой между тем продолжал посылать тревожные донесения. 25 апреля 1808 г. он прямо предложил заключить мир с Англией, развеять опасения Австрии на счет желания России приобрести княжества и т. д., поскольку видел, что Наполеон после войны с Испанией приступит к осуществлению новых захватнических планов⁶⁶.

Менее чем через месяц тот же Толстой пишет о бесперспективности союза с Наполеоном, обещания которого никогда не будут выполнены, настаивает на скорейшем заключении мира с Турцией и прямо отмечает, что приобретение Молдавии и Валахии не окупит огромных жертв, ожидающих Россию в будущем⁶⁷. Позиция Александра I оставалась, однако, непреклонной, да и позиция других держав, казалось, благоприятствовала его видам на княжества. 28 февраля Румянцев в письме А.А. Прохоровскому отмечал: «Из Парижа получили мы полное удостоверение от императора Наполеона о согласии его, чтобы с одной стороны шведская

Финляндия, с другой же княжества Молдавии и Валахии на вечные времена были присоединены к России»⁶⁸. Более чем через полгода, 17 сентября 1808 г., тот же Румянцев доносил Александру I о своей беседе с французским министром иностранных дел Шампиньи, который «не оставил мне желать ничего лучшего, говоря о справедливости сохранения за в. в-ом Молдавии и Валахии, коими Вы уже овладели»⁶⁹.

Австрия внешне также была не против присоединения к России княжеств⁷⁰. В письме Н.П. Румянцева послу России в Вене А.Б. Куракину от 27 июня 1808 г. дается ссылка на венский двор, который «близок даже к мысли помочь нам получить Молдавию и Валахию, если мы согласимся владеть этими провинциями на условиях некоторой модальности»⁷¹. Не совсем, впрочем, было ясно, что следовало понимать под термином «модальность», но была важна и такая расплывчатая оговорка. Что же касается Англии, то, по словам Н.П. Румянцева, сказанным им Шампиньи, английское правительство «благожелательно отнесется к приобретению нами Молдавии и Валахии»⁷².

Нам не удалось проверить истинность слов русского министра, но уже после Эрфурта новый французский посол в Петербурге Коленкур сообщал 22 ноября 1808 г. Шампиньи о распространении в Петербурге копии письма Каннинга Новосильцеву, которое противники союза с Францией всячески использовали, чтобы показать его (союза) невыгодность для России и то, что Англия лучше, нежели Франция, сможет обеспечить присоединение Молдавии и Валахии к России⁷³. Думается, что Англия согласилась бы на подобное приобретение России при условии ее разрыва с Францией; условия выставлялись и Австрией, и Францией, но ни одно из правительств этих стран в то трудное время не высказалось категорически против перенесения русской границы в район Нижнего Дуная. Оставалось уломать Порту, которую те же правительства тайно противопоставляли России. Казалось, что и с Портой удастся договориться, поскольку 30 сентября 1808 г. в Эрфурте была подписана новая франко-российская союзная конвенция.

В восьмой статье этой конвенции говорилось, что российский император «перенес уже границы своей империи с этой стороны до Дуная и присоединил к своей империи Молдавию и Валахию, не находя возможным признать целостность Оттоманской империи иначе, как под этим условием»⁷⁴. Далее говорилось о признании Францией этого приобретения, об отказе ее от посредничества в русско-турецких отношениях, о сохранении в целостности прочих

владений Османской империи и пр. Конвенция, однако, предусматривала сохранение в тайне восьмой статьи и последующее решение вопроса о княжествах непосредственно между Россией и Турцией – мирным или вооруженным путем⁷⁵.

Заручившись поддержкой Франции, хотя и сомнительной, ибо последняя продолжала тайно противопоставлять Турцию России, царское правительство решило первоначально пойти на переговоры с Портой, но на условиях определения границы между империями по Дунаю⁷⁶. Турция согласилась на переговоры, но Александр I считал, что Порта лишь хотела выиграть время и подготовиться к летней кампании. Русский император предписывал Прозоровскому потребовать от великого визиря скорейшего начала переговоров на условиях границы по Дунаю, независимости Сербии под покровительством России и Турции и признания присоединения к России Грузии, Имеретии и Менгрелии. В случае непринятия этих условий предлагалось возобновить военные действия⁷⁷.

Русскими уполномоченными на переговорах, которые должны были начаться в Яссах, были назначены генералы М.А. Милорадович и И.М. Гартинг и сенатор С.С. Кушников, получившие инструкции от главнокомандующего А.А. Прозоровского. Непременным условием переговоров называлась граница по Дунаю, причем к России должны были перейти все острова, примыкающие к левому берегу реки, и все его устье до середины Георгиевского гирла. Прозоровский даже составил проект разделения княжеств на четыре русские губернии, первой из которых должна была стать Бессарабия, второй – Молдавия, а третьей и четвертой – Валахия⁷⁸.

Турецкая делегация, руководимая реис-эфенди Галибом – видным турецким дипломатом, еще в 1801 г. выезжавшим в Париж и затем возглавлявшим переговоры с Россией в Слободзее⁷⁹, выехала из Стамбула 2 декабря и прибыла в Яссы почти через три месяца – 24 февраля 1809 г. Александр I, отмечая затяжку мирных переговоров Портой, предписывал Прозоровскому возобновить военные действия на Дунае, несмотря на трудности, которые могла породить зимняя кампания⁸⁰. 21 марта Прозоровский объявил о прекращении давно просроченного, затянувшегося на полтора года перемирия. Решение вопроса о новых границах было переведено на военные рельсы, и 1809 г. ознаменовался активными военными действиями русских войск. Преемнику Прозоровского на посту командующего Молдавской армией генералу П.И. Багратиону удалось добиться значительных успехов. На левом берегу Дуная пали такие крупные турецкие крепости, как Измаил и Браилов, капитулировавшие перед русскими войсками в сентябре и ноябре 1809 г. Таким образом,

к зиме 1809–1810 гг. вся Бессарабия была очищена от турецких войск, и на левом берегу Дуная у турок не осталось ни одной крепости, что означало и полное овладение русскими войсками Молдавией и Валахией⁸¹.

Как и прежде, в 1809 г. Россия настаивала на присоединении к ней обоих княжеств, а также Бессарабии. Это подтверждается как предписаниями армейских властей, так и документами русского МИДа, отражающими, в частности, взаимоотношения России с Австрией и Францией⁸². Примечательно, что 8 декабря 1809 г. в речи перед Законодательным собранием Франции Наполеон громко заявил о присоединении к России Молдавии и Валахии следующими словами: «Мой союзник и друг, российский император, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию и один округ Галиции. Я не завижду ничему, что может послужить ко благу этой империи»⁸³. Подобные заверения французского императора были в то время довольно частыми. Он, например, подчеркнул в мае 1810 г., что дал французскому послу в Константинополе инструкции поддерживать права России на Молдавию и Валахию⁸⁴, и при всем этом французские агенты активно действовали как в княжествах, экономическое положение которых было крайне тяжелым, так и за Дунаем и всячески распространяли и поддерживали антирусские настроения⁸⁵. Военные действия, однако, продолжались, и конца им видно не было, а влияние Наполеона продолжало все укрепляться как в Европе в целом, так и в районах, близких к княжествам. В конце 1809 г. сербы послали курьера к Мармону, а в начале 1810 г. они отправили через Валахию депутатов в Париж⁸⁶. Ощущалось влияние французов среди греков и черногорцев. Еще раньше, как писал М.Н. Богданович, «французские агенты в Константинополе старались поселить в турках недоверие к России и поставить Диван в зависимость от Бонапарта»⁸⁷. Все больше чувствовалось приближение конфликта России с Францией. В этих условиях необходимо было уладить отношения с Турцией.

7 февраля 1810 г. новому, уже пятому по счету русскому командующему Молдавской армией генералу Н.М. Каменскому пересылается Проект мирного трактата с Портой, четвертая статья которого предусматривала присоединение «на вечные времена к Российской империи» Молдавии, Большой и Малой Валахии и Бессарабии⁸⁸. Подробно оговаривалось даже, какие острова на Дунае отойдут к России, какие - к Турции⁸⁹. Но, несмотря на установление контакта Каменского с лагерем великого визиря⁹⁰, несмотря на попытки посредничества Пруссии, благожелательно относившейся к России и желавшей скорейшего окончания русско-турецкой войны и

переброски русских дивизий для последующего их использования против Наполеона, 1810 г. также не завершился ликвидацией русско-турецкого конфликта. Более того, в этом году усилились австро-русские противоречия по вопросу о княжествах⁹¹, а Каменский по-прежнему настаивал на том, что непреложным условием всякого соглашения о перемирии с Турцией является граница по Дунаю, как и ряд других условий⁹². В октябре 1810 г. Н. Румянцев писал послу России в Вене П.А. Шувалову, что «... при нынешнем состоянии турецких дел и поскольку Франция уже признала Дунай нашей границей с Турцией, е. в-во льстит себя надеждой, что мир будет заключен и даже с меньшей задержкой в результате прямых переговоров, которые начнутся между графом Каменским и великим визирем»⁹³.

В ответ Шувалов доносил Румянцеву о неблагоприятном отношении Австрии к установлению русско-турецкой границы по Дунаю и к включению Молдавии и Валахии в состав России, хотя на словах Меттерних вроде бы был не против подобного акта и соглашался на признание прав России, если Турция уступит их по договору. Шувалов при этом добавлял: «Я сильно сомневаюсь, чтобы Австрия искренне сблизилась с Россией, если не уступить ей безвозмездно Малую Валахию и, весьма возможно, Сербию, хотя этот двор и делает вид, что не желает увеличения Австрии за счет Турции»⁹⁴. Но и в самом начале 1811 г. Александр I не хотел идти ни на какие уступки. 5 января 1811 г. он указывал Н.М. Каменскому: «Мир же заключить, довольствуясь иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды, ни приличия»⁹⁵. Действительно, трудно сказать, что было важнее для Александра I в начале 1811 г. - нужда или приличие, скорее даже последнее, ибо в этот период успехи России и ее влияние на ход европейских дел были не большими или не намного большими, чем в момент начала русско-турецкой войны.

Сложилась довольно интересная картина. Если в 1806 г. многие из приближенных императора Александра I стояли на позициях присоединения княжеств, а сам он был другого мнения, то через пять лет положение изменилось. Александр I в категорической форме потребовал границу по Дунаю, а многие из видных сановников начинали понимать невозможность подобной границы, ибо приближалась война с Наполеоном и часть русских войск была перебросена с Дунайского театра, заметно ослабив Молдавскую армию. П. Шувалов 28 января 1811 г. вновь писал о желании Австрии сблизиться с Россией, но подчеркивал, что на такое сближение она не пойдет, если Россия не откажется по крайней мере от Валахии⁹⁶. Но, несмотря на такие предостережения, Александр I, также считав-

ший, что Россия должна значительно расширить свои владения⁹⁷, в начале 1811 г. не собирались идти ни на какие уступки В инструкциях, которые были даны А.Я. Италинскому Румянцевым 27 февраля 1811 г. на случай русско-турецких мирных переговоров, опять неизменным основанием для мирного договора было согласие Порты на границу по Дунаю. Иные условия не признавались, ибо, как писал Румянцев, «относительно границ высочайшая воля в. пр-ву уже известна»⁹⁸.

Тем временем пришлось произвести перемены в русском командовании, и на место заболевшего молодого Каменского 2-го, умершего в мае 1811 г., был назначен М.И. Кутузов – шестой командующий Молдавской армией, прибывший в Бухарест 1 апреля⁹⁹. М.И. Кутузову, уже принимавшему участие в этой войне при Прозоровском, правой рукой которого он считался, было суждено завершить затянувшийся русско-турецкий конфликт и добиться долгожданного мира. Тогда (с 4 марта 1808 г.) Кутузов командовал в Молдавской армии Главным корпусом. С Прозоровским у него сначала были хорошие отношения, но затем они испортились. Одной из причин был неудачный штурм Браиловской крепости¹⁰⁰. Но в литературе также отмечается, что Кутузов стал играть при престарелом Прозоровском до такой степени большую роль, что офицеры стали обращаться за указаниями к Кутузову, а не к главнокомандующему. Это привело к отправке Кутузова генерал-губернатором в Вильно¹⁰¹. Он вернулся полноправным командующим и должен был добиться перелома в войне и заключить почетный мир.

Произошло это, однако, на иных основаниях, нежели те, которые выдвигались в начале 1811 г. У Кутузова остались силы почти в два раза меньшие, чем те, которыми располагал Каменский в 1810 г.¹⁰² Все ухудшавшаяся международная обстановка требовала проведения новой, более гибкой, чем прежде, линии. В начале июня впервые промелькнуло упоминание о возможности проведения границы по Сирету¹⁰³, представлявшему удобную в стратегическом отношении преграду. Несколько позднее Кутузов довольно четко изложил тому же Румянцеву пожелание изменить позицию в вопросе о княжествах, считая, что Россия должна оставить за собой лишь Молдавию¹⁰⁴. Это было еще сравнительно оптимистическое предложение, поскольку посол в Париже А.Б. Куракин требовал «как можно скорее заключить, чего бы это нам не стоило, мир с Портой, чтобы получить возможность сосредоточить только на Франции все наше внимание и все усилия»¹⁰⁵. Предложения М.И. Кутузова, понятно, больше импонировали правительству, и в новых инструкциях на случай мирных переговоров, одобренных Александром I

и подписанных Румянцевым, отмечалось: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею и Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затрудняться уступкою всего княжества, то довольствоваться определением границы по реке Сирету, продолжающую по Дунаю до впадения его в Черное море»¹⁰⁶. За уступку Турции Валахии требовалась денежная сумма, а также предусматривались внутренние преобразования в этом княжестве, чтобы облегчить его положение.

Но к мирным переговорам турок еще нужно было принудить, чего и добился М.И. Кутузов в результате блестящих побед под Рущуком и Слободзеей летом и осенью 1811 г. В начале октября того года верховный визирь, покинувший армию, окруженную на левом берегу Дуная, куда ее заманил Кутузов, предложил русскому командованию пойти на переговоры. Первоначально он заявил, что имеет полномочия только на уступку России Хотина с округою или возмещение определенных издержек России на войну¹⁰⁷, но Кутузов категорически отказался пойти на подобные условия, сославшись на предписание Александра I: «Дунай положить границею своей империи»¹⁰⁸. Через несколько дней турецкие представители уже предложили уступить России не только Хотинщину, но и Бендеры, Аккерман, Каушаны, то есть Бессарабию до Прута¹⁰⁹. Это уже было существенной уступкой со стороны турок, ибо за несколько месяцев до этого Италинский, предпринявший попытку переговоров с великим визирем, выслушивал постоянные отказы турецкого представителя, заявлявшего, что Турция не уступит ни одной пяди земли¹¹⁰.

Таким образом, в октябре 1811 г. турки пошли на заметные уступки, но Кутузов чувствовал возможность дальнейшего роста требований и оставался непреклонным. Сам он, руководствуясь инструкцией, настаивал на принятии в качестве основы для переговоров границы между Валахией и Молдавией, пытаясь добиться дальнейших уступок со стороны турок¹¹¹. 10 октября визирь послал новое предложение, заключавшее согласие на уступку России Молдавии до Сирета¹¹². Большого, по-видимому, ожидать не приходилось, ибо не только турецкое руководство, но и греки-фанариоты боялись полностью потерять для себя Молдавию, господарский престол которой был для них кормушкой в течение многих десятилетий, и они шли на все, пытаясь сохранить эту золотую жилу. Но турецкая армия была окружена, силы ее таяли на глазах, и визирь должен был делать одну уступку за другой. Граница по Сирету дозволялась и инструкциями, имевшимися у Кутузова, и он принял последнее предложение турок. Результатом был созыв 19 октября 1811 г. в ма-

леньком городке Журже (Джурджу) новой русско-турецкой конференции¹¹³.

Когда начались переговоры в Журже, ничто, казалось, не предвещало осложнений и оттягивания мира на целых семь месяцев. Обе делегации к моменту первой встречи сходились в главном - в установлении новой границы России по р. Сирет, но это была лишь кажущаяся согласованность. В первый же день русская сторона предложила включить в состав России Бессарабию, всю Молдавию и дельту Дуная, то есть Килийское, Сулинское и левый берег Георгиевского гирла¹¹⁴, что встретило резкое противодействие турецких уполномоченных. Последние согласились уступить Бессарабию, Молдавию по Сирет и часть дельты на север от Сулинского гирла¹¹⁵. Требования русских делегатов носили характер чисто дипломатической разведки и не соответствовали реальным видам России. Это стало ясно уже 20 октября, когда Италинский сообщил о согласии Кутузова принять Сирет в качестве границы. В результате обмена мнениями участники конференции пришли к единому решению о границе по Сирету и Сулинскому гирлу¹¹⁶. Казалось, что главные разногласия уже позади, ибо установление границы по Сирету, как писал Румянцев Кутузову 26 октября, являлось бы главной статьей будущего мирного трактата¹¹⁷, тогда как границы в Азии, больше интересовавшие турок, не представляли для русского правительства столь значительного интереса.

Новые осложнения начались на заседании 31 октября, когда выявились явное желание турецкой стороны затянуть продвижение переговоров, ради чего они пошли на усложнение самых простых вопросов¹¹⁸. Это было, однако, лишь началом трудностей. Через несколько дней выяснилось, что делегация не получила полномочий от султана Махмуда II и что он отказывается от установления русско-турецкой границы по р. Сирет. Более того, несмотря на уже сделанную визирем уступку части Молдавии до Сирета, султан выразил желание сохранить за собой не только Галац, но и Измаил с округами¹¹⁹. Когда, наконец, прибыли полномочия и 17 ноября они были оглашены, стало ясно, что до окончательного урегулирования вопроса о границах еще далеко. Руководитель турецкой делегации официально заявил о несогласии султана на установление границы по Сирету¹²⁰. Переговоры практически зашли в тупик.

В нашу задачу не входит дальнейшее подробное описание хода переговоров, поскольку они уже нашли достаточно полное отражение в литературе¹²¹. Нас интересуют лишь основные этапы этого длительного обмена мнениями, продолженного сначала в Джурдже, а затем в Бухаресте и сопровождавшегося упорной борьбой двух

делегаций, ни одна из которых не хотела уступать свои позиции. Мира хотела не только Россия, война которой с Наполеоном приближалась, но и Турция, находившаяся в тяжелом экономическом положении и раздираемая острейшими внутренними противоречиями. Но за мир нужно было еще бороться не только за столом переговоров, но и на полях сражений. Пытаясь оказать давление на султана, 25 ноября 1811 г. Кутузов пленил 12 тыс. турок, окруженных на левом берегу Дуная, разоружил их и оставил зимовать в Валахии¹²². Сам же он перебрался в Бухарест, где продолжились переговоры, но, опять-таки, без успеха.

Недовольный таким ходом конференции Александр I в рескрипте от 12 декабря предписывал разорвать перемирие в случае отказа верховного визиря принять требования русского правительства, восклицая: «Мир, неприличный достоинства России, будет для нее более вреден, нежели полезен»¹²³. Кутузову не оставалось ничего иного, как прервать переговоры, о чем он сообщает Н.П. Румянцеву 3 января 1812 г.¹²⁴, и возобновить военные действия. Последнее, четырнадцатое заседание конференции в 1811 г. состоялось 31 декабря, причем на нем турки проявили еще меньшую уступчивость, чем раньше, требуя сохранения за султаном части Бессарабии, в частности, Измаила и Килии¹²⁵. Любопытно, что в это же самое время Наполеон, подстрекавший турок к несогласию с русскими предложениями, обещал австрийцам Молдавию, Валахию и устье Дуная¹²⁶, пытаясь тем самым перед походом на Россию привязать к себе Австрию. Вместе с тем Наполеон стремился вовлечь в свой поход на Россию и Турцию¹²⁷.

Таким образом, начало 1812 г. было для России еще более тревожным, чем любой из прежних годов со времени войны с турками. Не было видно перспективы ее скорейшего завершения, но по-прежнему граница по Сирету являлась отправным пунктом русских требований к своему сопернику на Нижнем Дунае. В первый день 1812 г. М.И. Кутузов писал визирю: «Действительно, Вашей светлости небезызвестно, что уступка территории до р. Сирет являлась условием *sine qua non* перемирия и что условия капитуляции, обеспеченные Вашей армией, могли быть лишь ее следствием»¹²⁸.

Пришлось возобновить военные действия, имея в своем распоряжении значительно уменьшенную армию даже по сравнению с началом 1811 г., и понятно, что в зимних условиях нельзя было рассчитывать на какие-либо значительные успехи. Даже военный министр России М.Б. Барклай де Толли в письме, относящемся к январю 1812 г., писал Александру I о крайней необходимости заключения мира с Турцией и что «мир с Турцией является, таким образом,

первым шагом, который надлежит сделать, чтобы обеспечить себе успех в войне против Франции»¹²⁹. Барклай де Толли убеждал императора в том, что граница по Сирету выгоднее России, чем обладание Валахией - и в плане стратегическом, и в плане возможного сближения с Австрией и Турцией¹³⁰. Но установить эту границу никак не удавалось.

Чтобы как-то воздействовать на турок, решили начать подготовку к десанту русских войск в Стамбул, о чем Александр I направил 16 февраля 1812 г. рескрипт Кутузову, где, среди прочего, писалось: «Желая кончить решительную войну с Портою, не нахожу лучшего средства для достижения сей цели, как произвести сильный удар под стенами Царьграда, совокупно морскими и сухопутными силами»¹³¹. Экспедицию армии и флота должен был возглавить генерал-губернатор Новороссии Э.И. Ришелье¹³². Трудно сказать, рассматривалась ли она как серьезное предприятие. Морская экспедиция, да еще зимой или ранней весной, к тому же тогда, когда Наполеон все больше стягивал свои силы к русским границам, была делом трудноосуществимым. Вероятно, подготовка к подобному десанту должна была больше оказать психологическое воздействие на турецкое правительство и заставить его скорее подписать мир. В апреле 1812 г. подготовка к экспедиции была прекращена в связи с начавшейся в Стамбуле чумой¹³³, но еще до этого была предпринята последняя попытка к возобновлению дипломатических переговоров.

22 марта Александр I направил Кутузову очередной рескрипт, в котором говорилось, что следует как можно скорее заключить мир и в случае крайней необходимости установить границу по р. Прут¹³⁴. Сразу же после получения этого документа Кутузов назначил частную встречу с турецким уполномоченным в Бухаресте. Организовать такую встречу было нетрудно, ибо, несмотря на состояние военных действий, Кутузов не удалил турецких уполномоченных из Бухареста; напротив, в течение трехмесячного перерыва в переговорах русские представители в личном плане их лучше узнали и в какой-то степени сблизились. Встреча Кутузова с турецким уполномоченным состоялась 3 апреля, и на ней русский главнокомандующий вновь выдвинул требование об установлении границы по Сирету¹³⁵. Несмотря на то, что это требование раньше категорически отвергалось турками и было причиной срыва переговоров, тем не менее 19 апреля они возобновились и состоялось 15-е заседание делегаций.

Причин для возобновления переговоров было несколько. Они объяснялись, по-видимому, и тем, что турецкие представители почув-

ствовали согласие русских пойти на некоторые уступки, и тяжелым положением Османской империи, и слухами о франко-австрийском сближении, и боязнью Наполеона, и деятельностью английской дипломатии, в частности, английского посла С. Каннинга, впоследствии активно боровшегося против российских интересов на Балканах, а в 1812 г. все делавшего ради заключения мира Турции с Россией и освобождения последней для борьбы с грозным противником Англии – Наполеоном¹³⁶. В литературе отмечается и роль шведских дипломатов, которые сообщили турецкой стороне, что Наполеон после заключения мира с Россией намеревается захватить Константинополь и затем направить свои войска в Иран¹³⁷.

На заседании 19 апреля ничего не говорилось о секретном рескрипте русского императора, но как бы для формальности по-прежнему заявлялось о границе по Сирету и сохранении занятых территорий в Азии. Эта же граница требовалась еще и в инструкции, которую Кутузов дал русским представителям 18 (30) апреля¹³⁸, но 3 мая в новой инструкции, предложенной им же русским уполномоченным, было записано: «Границу между двумя империями будет составлять река Прут, начиная от его истоков в Молдавии до впадения в него реки Прут до Килийского устья и до моря...»¹³⁹.

После этого дело пошло с молниеносной быстротой. Турки, которые не хотели отдавать России крепости Измаил и Килию и обещали их скрыть, 5 мая пошли на составление предварительного текста мирного договора, державшегося первое время в тайне, чтобы французские агенты не могли помешать дальнейшему его оформлению¹⁴⁰. Еще несколько дней были посвящены редакционным работам, и 16 мая были подписаны турецкая и французская редакции мирного договора¹⁴¹. Трактат о мире между Россией и Турцией, заключенный в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г., состоял из 16 статей, из которых несколько были посвящены вопросам, связанным с установлением новой границы по р. Прут и положением Дунайских княжеств. Наиболее важной статьей, определявшей границу по Пруту, стала статья IV, где было записано: «Первою статьею предварительных пунктов, наперед уже подписанных, постановлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем, и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря, будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее»¹⁴².

Далее детализировалось положение о пограничных островах. В трактате четко указывалось, что небольшие острова, необитаемые до войны и находящиеся напротив Измаила до устья Килийского гирла вблизи к его левому берегу, переходящему к России, не будут

принадлежать ни Турции, ни России, поэтому на них нельзя возводить никаких укреплений и никаких других строений. Острова эти должны оставаться необитаемыми, и подданные обоих государств могут на них приезжать только с целью рыбной ловли и рубки леса. Что касается больших островов, находящихся напротив Измаила и Килии, то они также должны оставаться незаселенными на час расстояния, начиная от самого ближайшего пункта, находящегося на левом берегу Георгиевского гирла. Все это пространство должно быть обозначено соответствующими знаками, а жилища, имевшиеся до войны, как и населенный пункт Старая Килия, должны остаться за этой порубежной чертой. Границей по реке Прут устанавливалась ее середина¹⁴³.

Эта статья также предусматривала то, что купеческие корабли обеих стран, как и прежде, могут плавать как по Георгиевскому, так и по другим гирлам Дуная, а военные русские суда получили право плавать по Килийскому гирлу до впадения р. Прут в Дунай¹⁴⁴. Следующая, V статья посвящалась Валахии и Молдавии, точнее той ее части, которая располагалась между Карпатами и Прутом и оставалась в вассальной зависимости от султана. Эта статья подтверждала предыдущие трактаты, заключенные между Россией и Турцией относительно княжеств, предусматривала освобождение ее жителей от всяких налогов на два года и оговаривала особый срок для переселения ее жителей в другие места. Последующее налогообложение в Молдавии устанавливалось в соответствии с ее новым пространством¹⁴⁵, уменьшенным по Бухарестскому мирному договору примерно на треть ее часть.

К Молдавии и Валахии имели отношение еще несколько статей договора. Статья VII устанавливала восемнадцатимесячный срок для переселения жителей территорий, присоединенных к России, в Турцию и, наоборот, из Турции в Россию. Это право переселения получили, например, татары, выселенные из Бессарабии в Россию, и в том случае, если они этим правом желали воспользоваться, то издержки на переселение падали на Порту. Переселиться в области, подчиненные султану, могли не только мусульмане, но и христиане, жившие на землях, отходивших к России. В Россию могли переехать христиане, уроженцы этих земель (или имевшие владения в этих местах) со своими семьями и имуществом, по тем или иным причинам очутившиеся вдали от своей родины¹⁴⁶. Статья XI предусматривала вывод русских войск из Молдавии и Валахии в течение трех месяцев со дня ратификации договора, а в статье XVI указывалось, что ратификация должна быть произведена русским императором и турецким султаном¹⁴⁷. Кроме того, были подписаны

две секретные отдельные статьи, которые не были ратифицированы турецким правительством и потому не вошли в силу¹⁴⁸.

Таковы были основные статьи Бухарестского мирного договора, имевшего отношение к формированию новой границы Российской империи. В состав России вошла территория площадью в 45, 8 тыс. кв. км, все течение правого берега Среднего и Нижнего Днестра, Днестровский лиман, бессарабское побережье Черного моря от Днестровского лимана до Георгиевского гирла Дуная, левый берег Георгиевского гирла Дуная от впадения в него р. Прут и до Черного моря, левый берег р. Прут. Россия получила одни из самых плодородных, по словам В.Докучаева, земель в Европе, богатые солью озера Южной Бессарабии и т.д. В состав России вошли крупные крепости - Хотинская, Сорокская, Бендерская, Аккерманская, Килийская, Измаильская, бывшие ареной многочисленных сражений, которые приходилось вести в этих местах русской армии.

Вся эта территория, окаймленная Днестром, Прутом, Черным морем и Дунаем, первое время не имела единого названия. Во второй половине 1812 г. ее начали называть Бессарабией, распространив название ее южной части на все междуречье. А в 1813 г. создается Бессарабская область – новая историческая общность в составе России. Она обладала автономией в ее составе, в начале в соответствии с «Правилами временного правления Бессарабии» 1813 г., а затем - с «Уставом образования Бессарабской области» 1818 г. - своеобразными конституциями этого края. Жителям была гарантирована неприкосновенность личности, был положен конец многочисленным татарским и турецким набегам. Бессарабия, прежде являвшаяся ареной бесчисленных войн, более чем на сто лет была освобождена от каких-либо вооруженных конфликтов и превратилась в один из самых спокойных уголков Европы. Освобождение Бессарабии от турецкого господства, уничтожение турецкой торговой монополии, создание внутреннего бессарабского рынка (с 1812 по 1830 г. Бессарабия находилась между двумя таможенными частями общероссийского, ликвидация внутренних таможен (в Молдавском княжестве они были отменены только с 1 января 1830 г.¹⁴⁹) дали сильнейший толчок для развития бессарабской экономики. Здесь совершился переход от преимущественного занятия животноводством к земледелию, и вскоре Бессарабия заняла первое место в России по производству винограда и вина, табака, одно из первых мест по сбору зерна и т.д. Южная Бессарабия с ее дунайскими портами, соляными озерами, выходом к морю, обширными пастбищами хорошо дополняла центральную и северную части Бессарабии с более развитым зерновым хозяйством, виноградарством,

животноводством, лесами. Таким образом, в сравнительно короткий период времени Бессарабии удалось преодолеть и ряд тяжелых последствий, связанных с русско-турецкой войной и разрывом прежних экономических связей. Вскоре, особенно после 1829 г., Бессарабия стала одним из крупных экспортеров сельскохозяйственной продукции в Европе.

Если турецкие райи Бессарабии и земли, населенные буджакскими ногайцами, находились на стадии восточного феодализма, а территория Молдавского княжества - так называемого переходного феодализма (от восточного к западному), то, войдя в состав России, Бессарабия оказалась в системе европейского феодализма, более развитого по сравнению с восточным и более способствовавшего переходу к буржуазным отношениям, в системе более развитой цивилизации, уже в значительной степени европеизировавшейся. Если произошло отделение центральной части Пруто-Днестровского междуречья от остальной части Молдавского княжества, а до этого, еще в 1775 г., - от молдаван Буковины, то, в свою очередь, произошло соединение их с Северной и Южной Бессарабией, а также с молдаванами Заднестровья, которых в 1812 г. было уже довольно значительное число (до 30 % молдаван России). Таким образом ликвидирована Пруто-Днестровская чересполосица, ее деление на турецкую, татаро-ногайскую и молдавскую зоны¹⁵⁰.

Подписание мирного договора в Бухаресте еще не означало, что трудностям в русско-турецких отношениях был положен конец. Впереди было еще много нерешенных проблем, и одной из них должна была стать своевременная ратификация договора, поскольку уже в начале июня русские государственные деятели выражали глубокое беспокойство по случаю тех препятствий, которые чинил ей султан¹⁵¹. Александр I ратифицировал договор 11 июня¹⁵², за день до вторжения Наполеона в Россию, султан же продолжал проводить выжидательную политику и ратифицировал договор лишь в июле, о чем Александр с радостью объявил в Москве 8 июля и назвал Бухарестский мир «богодарованным»¹⁵³. Мир был весьма желанным и заметно поднял дух русских войск, выступивших против наполеоновской армады. Самое же главное то, что была освобождена от войны с Турцией Молдавская армия, которая во главе со своим новым командующим адмиралом Чичаговым была направлена на север для борьбы с Наполеоном. Интересно, что в самой Молдавии планы Наполеона при его походе на Россию видели в детронизации Александра I и разделе большой страны на ряд маленьких государств¹⁵⁴.

Чичагов был седьмым командующим Молдавской армией. Он прибыл в княжества в мае 1812 г., имея особые инструкции, и пы-

тался изменить в лучшую для России сторону условия Бухарестского мира. Но все его попытки оказались тщетными. Следуя инструкциям, он строил планы десанта против Стамбула, а после начала войны с Наполеоном предполагал направить имевшиеся в его распоряжении четыре дивизии в Далмацию, предпринимал меры для создания славянского ополчения и пр.¹⁵⁵, пока не получил единственно правильное в тех условиях распоряжение Александра I от 18 июля о переброске Молдавской армии на север¹⁵⁶. Ни Чичагов, ни находившиеся при нем дипломаты И. Каподистрия и А. Стурдза уже не могли заключить союз с Турцией, о котором так радел Александр I. Но, Порта хотела занять в период жесточайшей борьбы двух гигантов нейтральную позицию, желая, чтобы они как можно больше друг друга ослабили.

Ряд сложностей обнаружился и при управлении новым краем, в котором большую роль сыграли И. Каподистрия и А. Стурдза – выходец из омолодававшихся греков, переселившихся в Россию. Его отец стал первым гражданским губернатором Бессарабской области. Организация управления новыми территориями обычно всегда связана со сложностями различного рода. Но в условиях, когда России пришлось все свои силы бросить на борьбу с Наполеоном, трудности еще более увеличились. Не обошлось и без недовольных. 26 октября 1812 г. группа бояр Молдавского княжества составила протест против присоединения Бессарабии к России и потребовала восстановления прежних границ. Этот протест был направлен султану новым господарем Скарлатом Каллимахи, отказавшимся, однако, послать его другим державам, в первую очередь, России¹⁵⁷.

Нет ничего удивительного в том, что молдавские бояре были недовольны разделом княжества, ибо они потеряли власть над значительной частью территории страны, которую им, кстати, раньше приходилось делить с фанариотами, не говоря уже о верховной власти султана. Другая причина протеста заключалась в том, что часть имений бояр находилась в Молдавии, часть - в Бессарабии, и это порождало значительные трудности. Многие из них решили переехать в княжество, поскольку их больше интересовали высокооплачиваемые должности, приносявшие в то время больший доход, нежели эксплуатация имений. Особо обращает внимание время составления протеста – 26 октября 1812 г. То есть он был составлен не в мае, когда были подписаны условия договора, не в начале июля, когда он был ратифицирован и царем, и султаном, а почти через четыре месяца со времени ратификации и через два месяца после вывода русских войск из княжеств, когда стало известно о падении Москвы и трудностях, испытываемых Россией.

Не исключено, что здесь не обошлось без подстрекательств турок, французов или австрийцев, которым молдавские бояре, не имея поддержки русского правительства, решились пойти навстречу. Ведь незадолго до этого, узнав о заключении мира, молдавский Диван выразил свою «невыразимую радость» по поводу увеличения границ России, как это подобает «настоящим и верным патриотам»¹⁵⁸. Не исключено, что в составлении обоих документов могли участвовать одни и те же бояре. Но необходимо иметь в виду, что все-таки часть молдавского боярства осталась в Бессарабии и участвовала в управлении областью, получив также значительные земельные массивы на территориях, покинутых турками и ногайцами. Кстати, уже в декабре 1813 г. последовало очередное прошение молдаван к России с просьбой о покровительстве¹⁵⁹.

Недовольные были не только среди господствующего класса, но и среди части крестьян. Опять-таки большую роль в этом сыграли нестабильность управления Бессарабией, а также слухи о возвращении турок, казавшиеся реальными после падения Москвы и вследствие того, что после предыдущих русско-турецких войн турки, как и татары, действительно возвращались в Бессарабию. Имела значение и агитация бояр, стремившихся привлечь в свои имения за Прутом как можно больше крестьян и распространявших слухи о скором введении крепостного права в Бессарабии. Случаи агитации местного населения как турками, так и запрутскими обитателями были зафиксированы русскими властями и отмечены в специальных нотах, направленных турецкому правительству¹⁶⁰.

Переселение части крестьян из Бессарабии чрезвычайно обеспокоило Александра I, опасавшегося не только сокращения числа своих подданных, но и того, какой эффект это произведет на население Балканского полуострова. Дело в том, что молдаване стали первым православным народом Юго-Восточной Европы, значительная часть которого вошла в состав России. Их пример должен был повлиять на остальные народы этого региона, и российское правительство и в те годы, и позднее всячески стремилось продемонстрировать плоды своего попечительства. 14 апреля 1815 г. Александр I предписывает командующему войсками в Бессарабии и новому ее гражданскому губернатору обратить максимум внимания на упорядочение дел в Бессарабии. Император писал: «Желая устроить участь и благоденствие сего края, основав оное на внутреннем благоустройстве, местных обычаях и законах, повелеваю Вам обратить неусыпное попечение на прекращение злоупотреблений, отягощающих народ бессарабский, строго взыскивая за малейшее нарушение прав и преимуществ оному предоставленных»¹⁶¹.

В 1818 г. Александр посетил Бессарабию, и в том же году был издан закон под названием «Устав образования Бессарабской области 1818 года», позволивший заметно упорядочить местные дела. Еще через два года, в связи с событиями Восточного кризиса 20-х гг., в Бессарабию началось массовое переселение из Молдавии и Валахии как крестьян, так и бояр, воочию убедившихся в преимуществах, которые получила Бессарабия, и сравнивая их с крайним беззаконием, охватившим Дунайские княжества после подавления восстаний этеристов и Тудора Владимиреску и сопровождавшимся грабежами и убийствами со стороны турецких войск. Население Бессарабии быстро увеличивалось, и по темпам роста оно значительно опережало Молдавское княжество.

Если определенный порядок в Бессарабии удалось навести в течение нескольких лет, то значительно сложнее обстояло дело с урегулированием русско-турецких отношений, в частности, с разграничением на Дунае. Война с Наполеоном была временем крайнего напряжения сил России. То и дело с разных сторон доносились тревожные слухи о нападениях, которым может она подвергнуться со стороны ее новой юго-западной границы. То как вполне реальные воспринимались слухи о желании французов и австрийцев нанести удар по частям Молдавской армии в Валахии и Молдавии¹⁶², то - о стремлении турок вернуть потерянные ими в войнах территории, то - как отражение реальных фактов (русский посол в Стамбуле доносил о конфискации русского хлеба в Турции). Поскольку Турцию действительно охватил голод, русское правительство согласилось уступить часть хлеба на льготных условиях, не желая обострять отношения с ней¹⁶³. В районе же Дуная турки пошли на прямое нарушение Бухарестского договора. Не говоря уже об их ударах по сербам, турки начали возводить укрепления в тех местах дельты Дуная, в которых это строго запрещалось мирным договором. Они потребовали незаконных пошлин, а их подданные нарушали границу с Россией в районе Нижнего Дуная¹⁶⁴. Вместе с тем достичь законного размежевания на Дунае никак не удавалось. Оно затянулось на несколько лет и прошло несколько этапов.

Для проведения точной границы между Россией и Османской империей была создана смешанная русско-турецкая комиссия, в которой представителем со стороны России был бессарабский гражданский губернатор И.М. Гартинг. 19 (31) мая 1813 г. он доносил властям о трудностях, встретившихся при выполнении IV статьи Бухарестского мирного договора, и отказе турок установить границу там, где этого требовали его условия¹⁶⁵. В связи с этим русский посланник в Стамбуле А.Я. Италинский послал 20 августа 1813 г. ноту

турецкому правительству, показывая необоснованность притязаний Порты на обладание всеми островами на Дунае, которые в соответствии с договором должны были находиться в общем владении и оставаться незаселенными. Италинский также указал на необоснованность требований представителя Турции, добившегося проведения пограничной линии на расстоянии лишь одного часа пути от Измаила и Килии, тогда как договор устанавливал границу по большим островам¹⁶⁶. Имели место трехдневные переговоры бессарабского губернатора И.М. Гартинга с турецким комиссаром Муштафой Назир-эфенди в Измаиле и новые их переговоры, прошедшие в феврале 1815 г.¹⁶⁷ Урегулирование затягивалось, и в апреле 1815 г. Александр I в специальном рескрипте Гартингу предложил «отложить окончание сего дела впредь до благоприятнейшего времени»¹⁶⁸. Но время это наступило не сразу.

В период Венского конгресса 1814-1815 гг. турецкая сторона пыталась склонить европейские державы к пересмотру Бухарестского мира и возвратить присоединенные по этому миру к России земли. Но великие державы не поддерживали эти требования Порты и тем самым признали правомерность присоединения Бессарабии к России¹⁶⁹. 23 июня 1815 г. Италинский послал довольно резкую ноту турецкому правительству, где отметил нарушение границы турецкими подданными в районе Вилкова и нежелание турок уладить отношения в этом районе. Русский посол также заявлял, что деятельность по урегулированию с русской стороны прекращается и бессарабский губернатор прерывает всякие контакты с турецким представителем до тех пор, пока Порта не обяжет действовать его в соответствии с договором¹⁷⁰. По требованию Гартинга переговоры с турецким представителем шли в Кишиневе в октябре 1815 г. - и опять без особых результатов¹⁷¹.

Вскоре Италинский покинул Стамбул, и послом России в столице Турции становится Г.А. Строганов. В инструкциях, данных ему Министерством иностранных дел 20 мая 1816 г., предписывалось урегулировать русско-турецкие отношения и, среди прочего, положить конец противоречиям в районе Дуная¹⁷². В 1816 г. Строганов послал турецкому правительству ряд нот о нарушении русско-турецкой границы турецкими подданными (преимущественно казаками-некрасовцами). В одной из них он писал, что Россия «не может спокойно и равнодушно взирать на постоянное противодействие Блистательной Порты демаркации дунайской границы и на вытекающие из этого последствия, относящиеся к выполнению ст. 4 договора»¹⁷³.

Действительно, русское правительство всячески старалось покончить с неопределенностью, сохранявшейся со времени Буха-

рестского договора. В середине 1816 г. представителем России в русско-турецкой комиссии по установлению границы по Дунаю был назначен инженер-полковник И.Ф. Богданович, который побывал в Турции и Молдавии и составил подробную карту дунайских гирл. Разграничительная линия, нанесенная на ней Строгановым, стала предметом русско-турецкой конференции 5 (17) апреля 1817 г., где представителем России был Строганов, а представителем Турции – реис-эфенди, то есть министр иностранных дел. Но обе стороны не смогли прийти к соглашению¹⁷⁴. Реис-эфенди и впоследствии заявлял о несогласии с предложенной русской делегацией разграничительной линией, которая, по его словам, «слишком расходится с постановлениями Бухарестского договора», более того, он даже намекал на пересмотр условий договора по вопросам о Старой Килии¹⁷⁵. Урегулирование могло затянуться на неопределенное время, но на заседании комиссии по разграничению, состоявшемся 21 августа 1817 г., представители Турции согласились, наконец, прийти к общему с Россией соглашению. На переговорах было признано, что разграничительная линия пройдет от места разделения Дунайского устья на два гирла по островам Четал и Лети в часе расстояния от левого берега Сулинского гирла и до Черного моря. После переселения жителей и перенесения строений линия эта должна быть отмечена вехами турецкой стороной. Вся же территория между этой линией и Килийским гирлом в соответствии с договором оставалась владением Турции, но не должна была подлежать заселению и застройкам. Порта должна была также в течение года эвакуировать Старую Килию и строго следить за тем, чтобы ее подданные не нарушали границу¹⁷⁶.

Таким образом удалось прийти к определенному соглашению, и в ноябре того же 1817 г. Александр I утвердил договоренность о разграничении по Дунаю и назначил российским комиссаром в комиссию по разграничению И.Ф. Богдановича¹⁷⁷. Следовательно, после заключения Бухарестского мира 1812 г. прошло более 5 лет, прежде чем по вопросу о границе на Дунае была достигнута определенная договоренность. Столь долгая неурегулированность объяснялась не только некоторой расплывчатостью формулировок, отмеченных в статье IV Бухарестского договора, а прежде всего сложностью русско-турецких отношений того времени.

Таковы были последствия Бухарестского договора, которые привели к разграничительным работам лишь через пять с лишним лет после его заключения. Это, понятно, не привело к окончательной ликвидации русско-турецких противоречий, но к периоду Восточного кризиса 20-х гг. они были сравнительно

незначительными. Их обострение в 20-е гг. привело к тому, что дельта Дуная по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. была передана России и стала составной частью Бессарабской области¹⁷⁸. Кстати, в соответствии с этим договором по настоянию России Валахии были переданы придунайские города – крепости Брэила, Джурджу и Турну с округами, а также 88 островов Дуная. Всего, таким образом, Валахия получила примерно 230 тыс. гектаров плодородных придунайских земель, а Брэила стала крупнейшим валашским портом. Часть этих земель была превращена в государственную собственность, которая в самом начале приносила валашской казне доход в 500 тыс. леев¹⁷⁹. Таким образом территориальные приращения в районе Нижнего Дуная получила в то время не только Россия, но и Валахия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века (в дальнейшем - ВПР). Т. I. М., 1960. С. 283–287.
2. Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 123.
3. Там же. С. 124.
4. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 637.
5. Богданович М.Н. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. I. СПб., 1869. Приложения. Извлечения из заседаний неофициального комитета. С. 47.
6. Там же. С. 62.
7. ВПР. Т. I. С. 237–238.
8. Там же. С. 232–233.
9. Селях Г.Н. Русско- турецкое соглашение 1892 г. о Дунайских княжествах // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 196.
10. Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 47.
11. Lebel G. La France et les Principautés danubiennes. Paris, 1955. P. 95.
12. История дипломатии. 2-е изд. Т. I. М., 1960. С. 469.
13. Lebel G. Op. cit. P. 114–115.
14. Goșu A. Rusia la Dunărea de Jos. Pacea de la București (mai 1812) // Studii și materiale de istorie modernă. Vol. X. București, 1996. P. 28.
15. Богданович М.Н. Указ. соч. Т. II. СПб. С. 318.
16. Ciobotea D., Osiac V. Politica imperiului țarist la Dunărea de jos (1711–1878). Craiova, 2008. P. 9.
17. Гросул В.Я. Формирование русско-турецкой границы по Бухарестскому миру 1812 года // Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII – начало XX в. Ч. II. М., 1979. С. 176.

18. О борьбе в российских верхах по вопросам внешней политики см.: История внешней политики России Первая половина XIX века. М., 1995. С. 60–61.

19. *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 73.

20. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812. Т. I. СПб., 1885. С. 91; *Hurtmuzaki E.* Documente Privitoare la Istoria Românilor. Vol. XIX. Part. 2. P. 352–353.

21. *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 393.

22. *Крупянский В.Ф.* Воспоминания. Екатеринослав, 1912. С. 3.

23. *Bezviconi G.* Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri până la mijlocul secolului al XIX-lea). București, 1962. P. 188.

24. *Гросул Г.С., Даниленко Р.В.* К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. // Известия АН МССР. № 2 (80). Кишинев, 1961. С. 11.

25. *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 415.

26. Там же. С. 415–417, 468.

27. ВПР. Т. III. М., 1963. С. 497.

28. *Головки Л.В.* Краткая история Бессарабии. Бельцы, 1912. С. 19.

29. ВПР. Т. III. С. 594.

30. ВПР. Т. IV. С. 32.

31. *Bezviconi G.* Op. cit. P. 194.

32. ВПР. Т. IV. С. 33.

33. Там же.

34. Там же. С. 78.

35. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1975. С. 56–58.

36. О материальном снабжении русской армии в княжествах см. подробнее: *Agachi A.* Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupație militară rusă (1806-1812. Chișinău, 2008; *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-е–30-е годы XIX века). М., 1966. С. 159–160.

37. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 188. Л. 108–111; Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. I. Кишинэу, 1970. П. 361.

38. Кутузов в Дунайских княжествах (Сборник документов). Кишинев, 1948. С. 89.

39. ВПР. Т. IV. С. 334.

40. ВПР. Т. III. С. 485.

41. ВПР. Т. III. С. 380.

42. Там же. С. 517.

43. Там же. С. 774.

44. Там же. С. 549; *Columbeanu S.* Contribuții privind situația internațională a Țărilor. Române între anii 1806-1812 // Revista de Istorie. București. 1976. № 5. P. 664.

45. *Кассо Л.А.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913. С. 41; *Lebel G.* Op. cit. P. 136.

46. РИО (Сборник императорского русского исторического общества). Т. LXXXIX. СПб., 1893. С. 137–139.

47. *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 405; *Mehmet M.A.* Documente turcești privind istoria României. Vol. III. 1791–1812. București, 1986. P. 221–223.
48. РИО. Т. LXXXIX. С. 134–137.
49. *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 283, 287; *Hurmuzaki E.* Suppl. 1 (2). P. 455–458, 463–465.
50. РИО. Т. LXXXIX. С. 137.
51. Там же. С. LXXXVI. С. 86, 134.
52. *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 8.
53. РИО. Т. LXXXIX. С. 726–727.
54. *Lebel G.* Op. cit. P. 139.
55. РИО. Т. LXXXIX. С. 107.
56. *Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И.* К истории восточного вопроса // Новая и новейшая история. 1969, № 6. С. 66; *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 116.
57. РИО. Т. LXXXIII. С. 115–128.
58. *Lebel G.* Op. cit. P. 143.
59. РИО. Т. LXXXIX. С. 177–180.
60. РИО. Т. LXXXIII. С. 241–245.
61. РИО. Т. LXXXIX. С. 460–462.
62. *Трачевский А.С. (ред.)*. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. 1808–1812. Т. I. СПб., 1890 (РИО. Т. LXX). С. 195–202; 211–216.
63. *Трачевский А.С.* Указ. соч. С. 195–202; ВПР. Т. IV. С. 650.
64. РИО. Т. LXXXIX. С. 352–354.
65. Там же. С. 354–359.
66. Там же. С. 519–525.
67. Там же. С. 564–567.
68. *Петров А.* Указ. соч. Т. II. С. 48.
69. ВПР. Т. IV. С. 349.
70. О тогдашних планах Австрии в районах Нижнего Дуная см.: *Goșu A.* Op. cit. P. 65–70.
71. Там же. С. 290. О согласии Австрии на присоединение княжеств к России см.: ВПР. Т. IV. С. 390–391; *Кассо Л.А.* Указ. соч. С. 59.
72. ВПР. Т. IV. С. 350.
73. *Трачевский А.С.* Указ. сборник. Т. II. С. 368–373.
74. ВПР. Т. IV. С. 362–363.
75. Там же. С. 363.
76. Там же. С. 368.
77. *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 544–546.
78. *Кассо Л.А.* Указ. соч. С. 68.
79. *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. М., 1946. С. 185.
80. *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 559–560.
81. *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 59–60.
82. *Трачевский А.С.* Указ. сб. Т. IV. С. 125–133; ВПР. Т. V. С. 307, 311 и др.
83. ВПР. Т. V. С. 364.
84. Русский архив. 1877. Кн. III. Вып. 3. С. 237–240, 252–256.

85. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 74–75.
86. Богишич В. Указ. соч. С. 228.
87. Богданович М.Н. Указ. соч. С. 329.
88. ВПР. Т. V. С. 364.
89. Там же.
90. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 76.
91. ВПР. Т. V. С. 452, 498, 508, 511, 530.
92. Там же. С. 539.
93. Там же. С. 557–558.
94. Там же. С. 575.
95. ВПР. Т. VI. С. 10.
96. Там же С. 47.
97. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 104.
98. ВПР. Т. VI. С. 85.
99. Петров А. Указ. соч. Т. III. С. 250.
100. Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 120.
101. Брагин М.Г. Кутузов. М., 1975. С. 99.
102. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 60.
103. ВПР. Т. VI. С. 129.
104. М.И. Кутузов. Сборник документов под редакцией Л.Г. Бескровного. Т. III. С. 452–454.
105. ВПР. Т. VI. С. 145.
106. Там же. С. 172.
107. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 651.
108. Там же. С. 658.
109. Там же. С. 654–655, 750.
110. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 104.
111. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 750.
112. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 107.
113. Mehmet M. Documente turcești privind istoria României. Vol. III. P. 293.
114. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 684.
115. Там же. С. 685.
116. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 112.
117. ВПР. Т. VI. С. 215.
118. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 112.
119. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 698.
120. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 114.
121. Кассо Л.А. Указ. соч.; Казаков Н.И. Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г. // История СССР. 1967, № 3; Jarcutchi I., Mischevca V. Pacea de la București (din istoria diplomatică a încheierii tratatului de pace ruso-turc de la 16 (28) mai 1812). Chișinău, 1993; Goșu A. Op. cit.
122. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 73.
123. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 730–731.
124. Там же. С. 764.
125. Кассо Л.А. Указ. соч. С. 123.

126. Там же. С. 130
127. *Goşu A.* Op. cit. P. 94.
128. ВПР. Т. VI. С. 257–258.
129. Там же. С. 269.
130. Там же.
131. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 850–852.
132. *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 74.
133. Там же.
134. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 850–852.
135. Там же. С. 877.
136. *Кассо Л.А.* Указ. соч. С. 130–131, 134–136.
137. *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.
- C. 98.
138. М.И. Кутузов. Указ. сб. Т. III. С. 869.
139. Там же. С. 891; О роли братьев Морузи на этом этапе переговоров см: *Кассо Л.А.* Указ. соч. С. 137–139; *Jarcutchi J., Mischevca V.* Op. cit. P. 163–166; *Draghici M.* Istoria moldovei pe timp de 500 de ani. Vol. II. Bucureşti, 1999. P. 235.
140. *Кассо Л.А.* Указ. соч. С. 144.
141. Там же.
142. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 51–52.
143. Там же. С. 52.
144. Там же.
145. Там же. С. 53.
146. Там же.
147. Там же. С. 56.
148. ВПР. Т. VI. С. 416–317, 468, 751.
149. *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжества и России (20-е–30-е годы XIX века). М., 1966. С. 221.
150. В литературе иногда пишется о потере Молдавским княжеством в 1812 г. 50 % ее территории (*Никифоров А.А.* Русско-румынские отношения и формирование границы // Военно-исторический журнал 1990, № 12. С.5). В действительности княжество потеряло примерно 36 % своей территории.
151. ВПР. Т. VI. С. 437.
152. *Петров А.* Указ. соч. Т. III. С. 395.
153. Там же. С. 396.
154. *Draghici M.* Op. cit. P.243.
155. ВПР. Т. VI. С. 393, 443, 459, 460.
156. *Горяинов С.* 1812. С. 89–90.
157. *Georgescu-Vrancea C.* Boierimea basarabeană şi pacea din Bucureşti din anul 1812 // Arhivele Basarabiei. Chişinău, 1934. № 2. P. 173–174.
158. История Бессарабии (от истоков до 1998 года). Кишинэу, 2001. С. 36.
159. *Никифоров А.А.* Указ. соч. С. 5.
160. ВПР. Т. IX. М., 1974. С. 725.
161. ВПР. Т. VIII. С. 281.

162. ВПР. Т. VI. С. 528.
163. ВПР. Т. VI. С. 594; Т. VII. С. 52, 83.
164. ВПР. Т. VII. С. 188; Т. VIII. С. 79, 291; Т. IX. С. 334.
165. ВПР. Т. VIII. С. 89.
166. ВПР. Т. VII. С. 363.
167. *Чертан Е.Е.* Новые данные об установлении государственной границы России по Дунаю в 1813–1817 годах // Вековая дружба. Кишинев, 1961. С. 254–257.
168. ВПР. Т. VIII. С. 280.
169. *Федоров Г.К.* Государственно–административное устройство и местное право Бессарабии (1812–1917 гг.). Кишинев, 1974. С. 36.
170. ВПР. Т. VIII. С. 414–415.
171. *Чертан Е.Е.* Указ соч. С. 257–259.
172. ВПР. Т. IX. С. 172.
173. ВПР. Т. IX. С. 334.
174. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1901. С. 8–18.
175. ВПР. Т. IX. С. 542–543.
176. ВПР. Т. IX. С. 760 – 761.
177. Там же. С. 761.
178. См. подробнее: *Гросул В.Я.* Формирование русско-турецкой границы по Адрианопольскому миру 1829 г. и Парижскому трактату 1856 г. // Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII – начало XX вв. Ч. II. С. 226–235; *Ciobotea D., Osiac V.* Op. cit. P. 65.
179. *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. С. 277.

Сайт «Русины Молдавии» <http://www.rusyn.md>

Русины Молдавии

Общественная
организация

На сайте размещены монография «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (pdf), все номера журнала «Русин» (pdf), а также монографии и статьи по истории и культуре русинов Молдавии.